

УДК 32:93/94

Квак Хэ Ми

Московский педагогический государственный университет

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО СКАЗКИ «МОЙДОДЫР»

Kwak Hae Mi

Moscow State Pedagogical University

ART SPACE IN THE TALE «MOYDODYR»

Аннотация. В статье рассматриваются пространственно-временные образы сказки К.И. Чуковского «Мойдодыр», обладающие своеобразными «географическими» свойствами. Автор исследует символику топонимического круга, по которому движется главный герой сказки, в сопоставлении с «маршрутом» Раскольникова, в романе Достоевского «Преступление и наказание». Возвращение героев по ранее пройденному пути к определённом географическому месту в повествовании является маршрутом «преображения» «от грязнули к чистюле» у Чуковского, и движением от греха к покаянию в романе Достоевского. С другой стороны, модель «отправка – бегство – возвращение» тесно связана с «обрядом посвящения» в русской народной сказке, описанной В.Я. Проппом. С этой точки зрения в статье рассматривается и образ Крокодила, выполняющего в мировой мифологии, и особенно египетской, важнейшую роль при осуществлении обряда инициации.

Таким образом, в условно-реалистичном пространстве сказки, герой проходит путь своего преобразования, с одной стороны, в соответствии с канонами фольклорной сказки, описанными В.Я. Проппом, с другой – египетской мифологией, где одной из функций Крокодила является функция перерождения героя.

Ключевые слова: художественное пространство, путь бегства и возвращения, функция перерождения, Петроград.

Abstract. The article deals with spatio-temporal images which have unique «geographical» characteristics in the tale «Moidodyr» by K. Chukovsky. The author makes analysis of symbolics of the toponymic circle in which the protagonist moves on in the tale, in comparison with Raskolnikov's «route» in the novel «Crime and Punishment» by F. Dostoevsky. The recurrence of the characters through previously trailed path to a specific geographic location is the route of «transformation» from «gryaznulya (dirty boy) to chistyulya (neatnik)» in the poem by Chukovsky, and the path from sin to repentance in Dostoevsky's novel. On the other hand, the model of the «departure - escape - the recurrence» is associated with «rite of initiation» in the Russian folk tales described by V. Propp. From this perspective, the article also considers another character – Crocodile that in the world mythology, especially Egyptian, performs an important role in the rite of initiation.

Thus, in quasi-realistic space in the tale the main character goes along the way of transformation, according to the canons of folk tales, described by V. Propp, on the one hand, and on the other – in accordance to the Egyptian mythology, in which one of the functions of the Crocodile is the function of the hero's regeneration.

Keywords: art space, escape and recurrence route, function of regeneration, Petersburg.

Образы пространства и времени являются важнейшим элементом поэтики сказок К.И. Чуковского. Одна из самых известных сказок «Мойдодыр», написанная в 1923 году, заключает в себе целый ряд пространственных образов, обладающих своеобразными «географическими» свойствами, как реальными, так и воображаемыми. Они получают коннотатив-

ные значения, оказываются «синтетическим сверхтекстом, с которым связываются высшие смыслы и цели» [10, с. 275]. Действие «Мойдодыра» происходит в реальном пространстве города, т. е. в квартире, на улице, конкретной площади, что создаёт иллюзию правдоподобия происходящих в сказке событий. Более того, город этот – Петербург, о чём мы можем узнать из грозного монолога Мойдодыра в самом начале повествования:

Если топну я ногою,
Позову моих солдат,
В эту комнату толпою
Умывальники влетят,
И залают, и завоют,
И ногами застучат,
И тебе головомою,
Неумытому, дадут -
Прямо в **Мойку**,
Прямо в **Мойку**
С головою окупут! [11, с. 33]

Слово «Мойка» в «Мойдодыре» написано два раза и с прописной буквы. Это географическое название – река в **Санкт-Петербурге – протока невской дельты**, из чего мы можем сделать единственно возможный вывод о месте действия. Последующая цепь описываемых событий будет включать в себя всё новые и новые топонимы.

В отличие от фольклорных сказок с зачином «жил да был», сказка «Мойдодыр» начинается с неожиданного бегства всей домашней утвари. Герой-мальчик, встав утром, с удивлением наблюдает, как от него сбегают все домашние вещи.

Одеяло
Убежало,
Улетела простыня,
И подушка,
Как лягушка,
Ускакала от меня.

Я за свечку,
Свечка – в печку!

Я за книжку,
Та – бежать
И вприпрыжку
Под кровать! [11, с. 30]

Любопытно, что Б.М. Гаспаров обнаружил неожиданную связь «Мойдодыра» с ранним произведением В. Маяковского «Владимир Маяковский. Трагедия»: «В одной из сцен там изображается бунт вещей: в полном соответствии с центральной идеей кубофутуризма и ОПОЯЗа, вещи стремятся вырваться из-под гнёта повседневности. Они «скидывают лохмотья изношенных имен» и покидают привычные места, на которых они привычно служили человеку:

Винные витрины, как по пальцу сатаны,
сами плеснули в днища фляжек.
У обмершего портного сбежали штаны
и пошли – одни! – без человечьих ляжек!
Пьяный – разинув чёрную пасть –
вывалился из спальни комод.
Корсеты слезали, боясь упасть,
из вывесок «Robes et modes».
Каждая калоша недоступна и строга.
Чулки-коготки игриво щурятся <...>
[5, с. 163]

Образ сбежавших штанов немедленно обращает на себя внимание сходством со сбежавшими брюками из «Мойдодыра». Но и помимо этого, обнаруживается целый ряд деталей, связывающих эту сцену с поэтикой детских стихов Чуковского». [1, с. 305]

Динамика произведений Чуковского также близка поэзии футуристов. В сказках писателя создаётся особое вихревое движение, особое пространство, в котором нет места статике.

Отчего же
Всё кругом
Завертелось,
Закружилось
И помчалось колесом?
<...>

Всё вертится,
И кружится,
И несётся кувыром. [11, с. 31~32]

В написанной много лет спустя статье с характерным заглавием «Признание старого сказочника» Чуковский отдаёт дань той притягательности, которую имеют приёмы вихревого движения для детского языкового мира: *«Внимательно взглядевшись в эти книги, я подметил, что не только в загадках, но и в большинстве моих сказок - непрерывные вихри движений и действий. В «Мойдодыре» уже на первых страницах... Вообще я почти никогда не изображаю предметы в их статике. Тот мир, который я демонстрирую перед малым ребёнком, почти никогда не пребывает в покое. Чаще всего и люди, и звери, и вещи, сломя голову бегут из страницы в страницу к приключениям, битвам и подвигам»* [12, с. 455]. И далее Чуковский отмечает: *«Эти быстрые темпы вполне соответствуют умственным потребностям малых детей. Ведь ребёнка в начале его бытия меньше всего интересуют характерные приметы вещей»* [12, с. 456]. Таким образом, авторский замысел вполне соответствует мировосприятию маленьких детей.

Действие сказки не ограничивается пространством комнаты, «выплескиваясь» на улицы Петербурга. Интересно, что бегущий от мочалки герой, передвигается по вполне определённому географическому маршруту:

А от бешеной мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Садовой, по Сенной.

Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица. [11, с. 34]

Мы можем точно определить даже притяжённость маршрута бегства грязнулей: «По Садовой, по Сенной» и дальше «к Тавриче-

скому саду». Вероятнее всего «квартира», в которой жил грязнуля, находится там же, где жил и сам Чуковский, то есть в Манежном переулке [4, с. 47]. От Манежного переулка по Садовой улице и через Сенную площадь до Таврического сада приблизительно 7 км, – достаточно большое расстояние. Но маршрут, проделываемый грязнулей, не случаен. Более того, место действия сказки вызывает ассоциативную связь с другим произведением русской литературы – романом «Преступление и наказание» (1866) Ф.М. Достоевского, где Сенная площадь и Садовая улица являются не только местом, где Раскольников принимает решение об убийстве старухи-процентщицы, но и местом искупления грехов. Проходя по Сенной и Садовой через толпу, герой «Преступления и наказания» услышал разговор, из которого узнал, что *«завтра, ровно в семь вечера»*, старуха-ростовщица *«останется дома одна»* [2, с. 63]. И туда же, на Сенную площадь, по совету Сони Раскольников идёт просить у народа прощения. Возвращение героев Достоевского и Чуковского по ранее пройденному пути к определённому географическому месту в повествовании – важнейший шаг в действиях героев. Это преодоление очередного порога. Можно предположить, что в сказке описан не только «географический» маршрут, но и маршрут «преображения» «от грязнули к чистюле», который перекликается с движением от греха к покаянию в романе Достоевского.

Говоря о пути «от грязнули к чистюле», логично обратиться к модели «отправка – бегство – возвращение», которая связана с «обрядом посвящения» [8, с. 37], в русской народной сказке. Согласно теории В.Я. Проппа, чаще всего сказка начинается с какой-нибудь беды, которая приводит к «отправке героя из дома». Факт отправки героя в путь важен как мотив начала испытания. «Пространственное перемещение героя» [8, с. 32] влечет за собой самые разные приключения, посредством которых герой проходит обряд посвящения. Путь, символизирующий этот обряд, начинается после встречи или пребывания

у персонажа определённого типа, чаще всего Яги (переломный момент, начало обряда), и в итоге герой возвращается домой преображённым. В.Я. Пропп отмечает, что *«обряд этот совершался при наступлении половой зрелости. Этим обрядом юноша вводился в родовое объединение, становился полноправным членом его и приобретал право вступления в брак. Такова социальная функция этого обряда. <...> Другая форма временной смерти выражалась в том, что мальчика символически сжигали, варили, жарили, изрубали на куски и вновь воскрешали. Воскресший получал новое имя, на кожу наносились клейма и другие знаки пройденного обряда. Его обучали приёмам охоты, ему сообщались тайны религиозного характера, исторические сведения, правила и требования быта и т. д.»* [8, с. 39]. Схему инициации в волшебных сказках и героических мифах обнаружили как В.Я. Пропп, так и Е.М. Мелетинский. Отмечая смысл «переходных» обрядов в мифах, исследователь мифа Е.М. Мелетинский пишет: *«Инициация и переход из одного состояния в другое подаются, таким образом, как ликвидация старого состояния и новое начало, смерть и новое рождение, которое неточно было бы считать «воскресением»* [6, с. 226]. Как правило, переходные обряды включают в себя символическое изъятие индивида из социальной структуры на некоторое время, те или иные испытания, ритуальное очищение и возвращение в «социум». Таким образом, как отмечает Е.М. Мелетинский, «Странствие» становится жизненным странствием или, по меньшей мере, важнейшим жизненным испытанием... Забегая вперед, заметим, что это в ещё большей степени свойственно волшебным сказкам, которые в отличие от мифов заведомо нацелены на судьбу индивида» [6, с. 227].

Анализируя сюжетные коллизии «Мойдодыра», мы можем составить, пользуясь определением В.Я. Проппа [9], морфологию, т. е. описание произведения по составным частям, сказки «Мойдодыр»:

Ребёнок нарушает правила личной гигиены – не умывается.

- 1). Преследователь-Мойдодыр ругает грязнулю.
- 2). Преследователь-Мойдодыр и его подручные пытаются помыть ребёнка (отправка).
- 3). Образ преследователя воплощается не только в Мойдодыре, но и в различных предметах домашней утвари.
- 4). Образ преследователя воплощается в положительном персонаже, который становится на пути героя (Крокодил).
- 5). Герой спасается от преследования.
- 6). Герой приобретает новый облик или преображается, т. е. он умывается.

Момент кульминации в сказке «Мойдодыр», с которого фаза бегства переходит в фазу возвращения, связан с образом крокодила или, если быть точнее, крокодила «глотателя». Уместно вспомнить аналогичный образ и в другой сказке Чуковского.

В «Бармалее» проглатывание Крокодилом злого разбойника связано с мотивом перерождения. По словам Е.М. Неёлова, Крокодил является «персонификацией глотания, точнее, перерождения» [7, с. 63]. В.Я. Пропп подчёркивал, что проглатывание и извержение человека чудовищным животным входило в систему инициации: *«...посвящаемый пролезал через сооружение, имевшее форму чудовищного животного. <...> Посвящаемый как бы переваривался и извергался новым человеком»* [8, с. 191]. Так, в конце сказки «Бармалей», Крокодил проглатывает злодея, который после этого преображается и становится добрым:

Пожалели дети Бармалея,
Крокодилу дети говорят:
«Если он и вправду сделался добрее,
Отпусти его, пожалуйста, назад!
Мы возьмём с собою Бармалея,
Увезём в далёкий Ленинград!»
Крокодил головою кивает,
Широкую пасть разевает, –
И оттуда, улыбаясь, вылетает Бармалей,
А лицо у Бармалея и добрее и милей» [11, с. 58-59] (курсив мой. – автор)

По словам В.Я. Проппа, «*пребывание в жёлудке зверя давало вернувшемуся магические способности, в частности, власть над зверем. Вернувшийся становился великим охотником. Этим вскрывается производственная основа и обряда и мифа. Мыслительная основа их доисторична. Она основана на том, что еда даёт единосущие со съедаемым*» [8, с. 193]. Иначе говоря, крокодиле брюхо не только защищает хороших людей, но и перевоспитывает плохих. Проглоченные же Крокодилом плохие люди принимаются во «внутренний круг», благодаря чему и становятся хорошими. Образ Крокодила проглатывающего и извергающего, амбивалентен, так как одновременно заключает в себе функции уничтожения и возрождения. Х.Э. Керлот объясняет, что «*в образе крокодила, в большей или меньшей степени уподобляемого дракону, отныне также обнаруживается примирение противоречивых качеств: с одной стороны, он символизирует ярость, зло и смерть, а с другой – мудрость, знание и жизнь*» [3, с. 274].

И если Крокодил в сказке «Бармалей» преобразует проглоченного злодея, то в сказке «Мойдодыр» он, проглотив преследующую героя мочалку, сам становится действующим лицом, выполняющим функцию противодействия герою. Отметим при этом, что сначала Крокодил воспринимается грязнулей как дружественный персонаж.

Хотелось бы обратить внимание, что главный герой преобразуется не в результате «отповеди» Мойдодыра, а под влиянием своего друга – «хорошего и любимого Крокодила». Крокодил фактически берёт на себя те же функции, которые в начале сказки были присущи Мойдодыру.

Таким образом, в условно-реалистичном пространстве сказки герой проходит путь своего преобразования, с одной стороны, в соответствии с канонами фольклорной сказки, описанными В.Я. Проппом, с другой – египетской мифологии, где одной из функций Крокодила является функция перерождения героя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаспаров Б.М. Мой до дыр. Новый мир, 1992, – С. 304~319.
2. Достоевский Ф.М. Собр. сочин. в 12 т.: 5 Т. – М., 1982. , – С. 182.
3. Керлот Х.Э. Словарь символов. – М., 1994. , – С. 602.
4. Кудряцева Т.А. Книга для тех, кто не любит читать. – СПб., 2006. – С. 240.
5. Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т. 1 в 13 т. 3-е изд. – М., 1955, , – С. 217.
6. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа/ Е.М. Мелетинский: Ин-т мировой литературы РАН. – М., 2006. – С.407.
7. Неёлов. Е.М. Переступая возрастные границы // Проблемы детской литературы. Петрозаводск. 1976. – С.53~70.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 1998. – С. 336.
9. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. – М., 1998. – С. 512.
10. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. – С. 259.
11. Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. – Т.1. – М., 2001. – С. 600.
12. Чуковский К.И.. Признание старого сказочника/ От двух до пяти. – СПб., 2000. – С. 433~462.